

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

(ЛЕНИНГРАД)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ МАЛОЙ АЗИИ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

За истекшую половину XX в. языкознание обогатилось изучением целого ряда неизвестных прежде языков древности. Вряд ли нужно говорить о том, какое огромное значение не только для языкознания, но и для изучения древней истории, имеет открытие и исследование памятников на таких языках, как хеттский, урартский, финикийский и другие.

Накопившийся в течение XIX и XX вв. и вновь поступающий в результате археологических исследований (например, найденная в 1947 г. в Каратепе финикийско-иероглифическохеттская билингва и др.) огромный эпиграфический материал открывает широчайшие возможности для углубленного исследования древней истории языков и народов, их носителей.

Для лингвистической трактовки изучаемых языковых материалов существенную важность имеет определение их генетической принадлежности к той или иной группе (семье) родственных языков. Такое определение, во-первых, облегчает дальнейший процесс дешифровки и изучения грамматической структуры и словарного состава поступившего в распоряжение исследователей не известного прежде языка. Во-вторых, установление родства данного языка с языками определенной группы свидетельствует об исторических связях по происхождению соответствующих народов, носителей этих языков. И наконец, привлечение фактов неизвестного прежде языка обогащает материалы сравнительно-грамматического исследования группы родственных языков и содействует более глубокому пониманию законов их развития.

Так, например, вовлечение в круг фактов, изучаемых сравнительной грамматикой индоевропейских языков, материалов по диалектам так называемого тохарского языка (приблизительно VII в. н. э.), найденных в начале XX в. в Синьцзяне, позволило по-новому интерпретировать традиционное деление индоевропейских языков на группы *centum* и *satem*. До нахождения тохарских материалов превращение палатальных *k, g* и *gh* в соответствующие свистящие и шипящие звуки считалось признаком, специально выделяющим «восточную ветвь» индоевропейских языков. Отсутствие этого явления в тохарском языке заставляет отказаться от прежней прямолинейной схемы дробления индоевропейского языка-основы на «западную» и «восточную» ветви. Есть основания рассматривать индоиранские, славяно-балтийские, албанские и армянские соответствия греческим, латинским, германским и кельтским заднеязычным звукам, как одно из наиболее древних проявлений действующей в различные периоды истории ряда индоевропейских языков закономерной тенденции к палатализации заднеязычных согласных в определенных фонетических усло-

виях¹. С этой точки зрения тохарский язык, вместе с другими языками группы *centum*, обнаруживает несколько более архаичное состояние системы согласных звуков.

Точно так же новый свет в изучение истории грамматического строя индоевропейских языков пролило установление в тохарском, а позднее и в хеттском, форм медио-пассива на -г, которые прежде считались специфической принадлежностью только италийских и кельтских языков.

Кроме того, самый факт существования в древности в Центральной Азии еще одного языка индоевропейской группы, каковым бесспорно признан тохарский язык, весьма интересен для изучения древней истории народов.

Сравнительно-историческое изучение группы (семьи) индоевропейских языков чрезвычайно обогатилось новыми данными за ряд истекших десятилетий нашего века. Особенно большое значение имело вовлечение в кругозор исследования богатых материалов клинописного хеттского (или «неситского») языка, принадлежность которого к индоевропейской лингвистической группе была установлена еще в 1915 г. чешским ученым Б. Грозным. Изучение хеттских языковых данных, дошедших до нас от середины II тысячелетия до н. э., играет в настоящее время очень большую роль в разработке целого ряда проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков. Кроме преобладающей массы текстов на клинописном хеттском языке, найденный в Богаз-Кёе (Малая Азия) знаменитый архив хеттских царей содержит также материалы по языкам других народов, обитавших в Малой Азии и прилегающих областях во II тысячелетии до н. э. Наряду с отрывочными данными, свидетельствующими о неиндоевропейском языке древнейших насельников Малой Азии — хаттов (хаттский, или «протохаттский», язык), а также наряду со сравнительно более обширными материалами по родственному с урартским неиндоевропейскому хурритскому, в богазкёйском архиве найдены отрывки на лувийском и палайском языках. Лувийский язык, на котором говорила значительная часть населения в южных областях Малой Азии, определен как близкий к хеттскому, но не тождественный с ним, индоевропейский язык. Согласно новейшим исследованиям, палайский язык также определяется как близкий к лувийскому язык индоевропейской группы. Таким образом, для Малой Азии засвидетельствовано существование народов, говорящих на индоевропейских языках уже во II тысячелетии до н. э.

Длительный процесс дешифровки памятников так называемого «иероглифического хеттского», некоторые из которых восходят к той же эпохе, что и хеттская клинопись (середина II тысячелетия), основная же часть относится уже в начале I тысячелетия до н. э., приблизился в настоящее время к своему завершающему этапу. Многолетние исследования Б. Грозного и других ученых в значительной мере определили чтение иероглифов и раскрыли основные черты структуры этого загадочного языка, область распространения которого в начале I тысячелетия до н. э. составляли небольшие государства Северной Сирии, сохранявшие хеттские традиции некоторое время после происшедшего около 1200 г. до н. э. разгрома хеттского царства в Малой Азии. Найденная в 1947 г. билингва, составленная на финикийском и «иероглифическом хеттском» языках, дала основу для окончательной дешифровки и лингвистического определения иероглифиче-

¹ Следует отметить, что процессы палатализации заднеязычных звуков и последующего их превращения в свистящие и шипящие наблюдаются также в позднейшей истории некоторых языков группы *centum*, так, например, в романских языках (ср. лат. *centum*, фр. *cent.*, итал. *cento*, исп. *ciento* и т. д.).

ских памятников Сирии и Малой Азии². Мнения всех исследователей сходятся в том, что и так называемый «иероглифический хеттский» также принадлежал к числу индоевропейских языков. Об этом свидетельствуют в первую очередь определенные уже элементы его грамматической структуры (глагольные и падежные окончания, местоимения).

Дешифровка памятников на древних языках западной части Малой Азии, относящихся к I тысячелетию до н. э., привела к установлению принадлежности ликийского и, повидимому, лидийского также к индоевропейской группе. Относительно ликийского уже доказано его близкое родство с клинописным хеттским и лувийским языками³. Что касается фригийского, то принадлежность его к индоевропейской группе языков никогда не вызывала сомнения⁴.

В связи с изучением языков западной части Малой Азии новое освещение получает также проблема этрусского языка. Утверждая достоверность античной легенды о малоазиатском происхождении этрусков, Вл. Георгиев и некоторые другие исследователи выдвигают положение об индоевропейском характере этого до сих пор загадочного языка⁵. Дальнейшие исследования должны показать, в какой мере правомерно такое решение вопроса.

Болгарскому ученому Вл. Георгиеву принадлежит также интересное открытие следов «догреческого», или «пелазгского», языка, распространенного в Эгейской области до прихода греческих племен. Анализируя балканскую и эгейскую топонимику, а также элементы древнегреческой лексики, не соответствующие правилам исторической фонетики и нормам словообразования греческого языка, Вл. Георгиев пришел, пользуясь сравнительно-историческим методом, к реконструкции целых лексических пластов, заимствованных греческим из подвергшегося ассимиляции догреческого языка. Этот язык, как убедительно показал Георгиев, также оказался индоевропейским. Георгиеву удалось наметить ряд закономерных звуковых соответствий догреческого с другими индоевропейскими языками, установить некоторое количество суффиксов словообразования и дать этимологию ряда загадочных прежде элементов древнегреческой лексики, которые до этого относились за счет неизвестного доиндоевропейского субстрата⁶.

Большой интерес представляют интенсивно ведущиеся в настоящее время работы по дешифровке и лингвистическому определению древнекритских текстов. Решению этой важнейшей для истории древнего Средиземноморья проблемы много труда посвятил чешский ученый Б. Грозный, прославившийся своей дешифровкой хеттской клинописи и капитальными трудами в области изучения хеттского клинописного и хеттского иероглифического языков. Однако полного успеха предложенная Грозным деши-

² H. Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe («Oriens», тт. I, II, 1948, 1949).

³ См. H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, Kopenhagen, 1945.

⁴ Однако скудость данных до сих пор не позволяет разрешить поставленный еще Геродотом вопрос о фригийско-армянских связях, а также вопрос об отношении фригийского и фракийского языков. Против имеющей долгую научную традицию точки зрения о близком родстве фригийского с армянским в последнее время упорно возражает Х. Педерсен, подчеркивая близость фригийского к хеттскому и другим индоевропейским языкам малоазиатской группы (указ. соч., стр. 4—7).

⁵ V. Georgiev, Etat actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcano-asiatiques (Archiv Orientální, ч. I, Praha, 1949, стр. 279). См. его же, Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker, Sofia, 1943.

⁶ См. V. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Sofia, I, 1941, II, 1945; Etat actuel des études de linguistique préhellénique (Studia linguistica, 1948, N 2) и др.

фровка критской письменности не достигла. Как показывает в своей рецензии проф. С. Я. Лурье⁷, Б. Грозному не удалось найти правильное фонетическое чтение критских знаков.

Интересной является работа над дешифровкой критской письменности Вл. Георгиева. Используя данные кипрского силлабария, Георгиев в своих последних исследованиях⁸, повидимому, положил начало окончательному разрешению этой сложной проблемы. Так же как Б. Грозный, Вл. Георгиев считает язык критских надписей индоевропейским. Называя этот язык «минойским», он усматривает в нем один из диалектов реконструированного им «догреческого» языка, распространенного некогда по всей территории Эгейского мира. Исследования эти находятся еще в начальной стадии. Многие из выдвигаемых положений будут, несомненно в дальнейшем значительно уточнены.

*

Итак, мы видим, что в результате исследований последних десятилетий наши сведения о древних индоевропейских языках существенно изменились. Особенно резко это изменение сказалось в трактовке языковых отношений в Малой Азии, где уже во II—I тысячелетиях до н. э. оказалась, наряду с неиндоевропейскими языками («протохаттский», «хурритский» и др.), также целая группа индоевропейских языков. В лингвистической науке в течение долгих лет господствовала точка зрения П. Кречмера, изложенная им впервые еще в 1896 г.⁹, согласно которой до прихода греческих племен вся Эгейская область и далее Малая Азия были заселены народами, говорившими на неиндоевропейских языках. Представления об этих языках, вследствие недостаточности конкретных данных, были долгое время весьма неопределенны. Эта точка зрения, несомненно, нашла свое отражение и в теории «третьего лингвистического элемента» Н. Я. Марра, который объединил под названием «яфетических» вместе с кавказскими языками все языки древних народов Средиземноморского бассейна, которые были в то время известны только по названиям, т. е. лингвистически вовсе неизвестны. Ясно, что при отсутствии конкретных лингвистических данных подобная гипотеза не могла быть ни доказана, ни опровергнута.

Только ряд последовательных изысканий помог постепенно рассеять туман неизвестности, выявить черты отдельных языков и определить их лингвистически. Характерно, что и точка зрения ветерана эгейско-малозападной проблемы П. Кречмера постепенно изменялась в связи с поступлением все новых и новых языковых материалов.

Вл. Георгиев, подводя итоги изучения этой проблемы, замечает: «Тридцать лет тому назад господствовало мнение, согласно которому Малая Азия была областью исключительно неиндоевропейской, куда индоевропейцы могли проникнуть лишь в конце II или в начале I тысячелетий. С другой стороны, принималось, как установленный факт, что догреческий язык, будучи также неиндоевропейским, был родственен азиатическим

⁷ С. Я. Лурье, Догреческие надписи Крита («Вестник древней истории», 1947, № 4).

⁸ Вл. Георгиев, История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей («Вестник древней истории», 1950, № 4); его же, *Le déchiffrement des inscriptions minoennes* («Годишник на Софийския Университет», т. XLV, 1949), *Inscriptions minoennes quasi-bilingues*, там же, 1949—1950).

⁹ P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*, 1896.

языкам. Все это перевернулось после дешифровки хеттского языка. Факт первостепенной важности: в настоящее время индоевропейский характер догреческого (или догреческих языков), этрусского, ликийского и т. д. является уже а priori более вероятным, чем противоположная точка зрения»¹⁰.

В настоящее время, наряду с древними семитическими языками (аккадским, ассирийским, финикийским), реально засвидетельствован ряд действительно неиндоевропейских и несемитических древних языков Передней Азии — шумерский, эламский, близко родственные друг другу хурритский и урартский, а также язык древнейшего населения Малой Азии — хаттский или «протохаттский». Все эти языки, благодаря наличию письменных памятников, могут быть предметом конкретного лингвистического изучения. Вопрос о генетических связях этих древних языков с индоевропейскими и семитическими уже решен отрицательно. Что касается сравнительно-исторического изучения их связей между собой, а также с языками иберийско-кавказской группы, то эта проблема, несомненно, стоит в порядке дня. В этом отношении применение сравнительно-исторического метода может дать самые положительные результаты. Особенный интерес представляет, как нам кажется, сопоставление данных протохаттского языка с фактами кавказских языков. Весьма вероятно, что своеобразный грамматический строй протохаттского, с характерной для него префиксацией при глаголе, а также, повидимому, префиксацией так называемых классных показателей, может быть глубже понят, если конкретным исследованием его займутся в первую очередь специалисты по кавказским языкам.

При исследовании указанной проблемы большой интерес представляет сравнительно-исторический анализ лексических заимствований из неиндоевропейских языков, наличествующих в большом количестве в клинописном хеттском и других индоевропейских языках малоазиатской группы. В частности, привлечение фактов живых кавказских языков было бы особенно ценным, так как сохранившиеся памятники на протохаттском, хурритском и урартском языках предоставляют, к сожалению, довольно ограниченные лексические данные. Ясно, что такого рода исследования в области словарных связей могут дать очень ценный материал для изучения древней истории народов.

Таким образом, в настоящее время древние языки Передней Азии уже могут и должны являться предметом серьезного сравнительно-исторического исследования.

Как уже указывалось выше, на территории Малой Азии уже с начала II тысячелетия до н. э. письменно зафиксировано существование нескольких языков. Из их числа клинописный хеттский (или неситский) был языком господствующей народности хеттского царства, возникшего как конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. В число этих народностей входили как говорившие на индоевропейских языках лувийцы и палайцы, так и древние неиндоевропейские хатты, давшие имя стране и государству Хатти. В западной части Малой Азии также существовал ряд народов, говоривших на индоевропейских языках (ликийцы, лидийцы, фригийцы и др.), засвидетельствованных письменными памятниками I тысячелетия до н. э. Далее, линия индоевропейских языков, как это показывают новейшие исследования Вл. Георгиева

¹⁰ V. I. Georgiev, *État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcano-asiatiques* (Archiv Orientální, ч. I, Praha, 1949, стр. 283—284).

и др., протягивается через область Эгейского мира на полуострова Европейского материка.

Необходимо заметить, что в процессе интенсивной работы по лингвистическому определению открываемых для науки языков древнего мира могут иногда иметь место слишком поспешные и односторонние заключения относительно принадлежности того или иного из них к индоевропейской группе. Энтузиаст этих исследований Вл. Георгиев признает возможность некоторого преувеличения в подчеркивании индоевропейского характера языков Эгейского мира. Он объясняет это преувеличение необходимостью борьбы со старой точкой зрения, которая «невероятно преувеличивала значение предполагавшегося неиндоевропейского субстрата»¹¹.

В сопряженной с большими трудностями дешифровке и лингвистическом определении памятников языков древности не может не вставать много спорных вопросов. Неизбежные ошибки в такого рода исследованиях связаны как с трудностью подыскивания ключей для дешифровки системы отдельных письменностей, так и в ряде случаев с весьма ограниченным количеством и бедностью самих памятников. За исключением богато представленных и уже достаточно изученных текстов на клинописном хеттском (неситском), материалы по другим малоазийским языкам (лувийскому, палайскому, ликийскому и др.) до сих пор еще очень скудны и трактовка их вызывает ряд спорных моментов.

Интересный опыт дешифровки и определения языка протоиндийской письменности, предложенный Б. Грозным¹², не дает еще, как нам кажется, полной уверенности в правильности трактовки этого сложного вопроса. В качестве ключа для дешифровки Б. Грозный использовал хеттскую иероглифику, чтение которой ко времени исследования протоиндийских письмен было само по себе довольно проблематичным. Этимологические сопоставления Б. Грозного, а также чтение им на печатях имен многочисленных «протоиндийских божеств» не кажутся достаточно убедительными для того, чтобы с полной определенностью утверждать индоевропейский характер языка, хотя сама по себе такая гипотеза представляется возможной.

При исследовании памятников на неизвестных прежде древних языках одним из главных и очень трудных вопросов является задача определения принадлежности языка к той или иной языковой группе. Эта задача может быть правильно разрешена лишь при наличии четких критериев для такого определения.

Учение И. В. Сталина об устойчивости основы языка, которую составляют грамматический строй и основной словарный фонд, дает твердую опору для установления принадлежности языка к определенной лингвистической группе. В тех случаях, когда лапидарные памятники дают слишком скудный словарный материал, грамматическая структура составляет основной критерий для лингвистической характеристики языка этих памятников.

Правильность этого положения подтверждается практикой многочисленных исследований. Так, например, материалы по лувийскому языку, вкрапленные кое-где в клинописные хеттские тексты, очень немногочисленны и ограничены по своему словарному составу. Однако наличие таких личных глагольных форм настоящего времени, как *anni-ti* «он выполняет»

¹¹ Vl. Georgiev, *État actuel...* (Archiv Orientalní, т. I, 1949, стр. 285).

¹² Б. Грозный, Протоиндийские письмена и их расшифровка («Вестник древней истории», 1940, № 2). См. также, В. Грозный, *Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens*, Praha, 1943.

(хетт. an(n)ija-zi), цаšša-nti «они одевают» (хетт. цаššan-zi, тот же корень в вед. vaste, авест. vastē, гомер. греч. * (F)έσται «одевается», гот. wasjan «одевать», лат. vestis, арм. z-gest, тохар. wasttsi, wästtsi, санскр. vāstram «одежда» и т. д.), бесспорно свидетельствует об индоевропейском характере лувийской глагольной флексии. При этом типично индоевропейские лувийские окончания 3-го л. ед. ч. наст. вр. -ti (ср. др.-инд. bhāra-ti «несет») и 3-го л. мн. ч. -nti (ср. др.-инд. bhāra-nti «несут») обнаруживают фонетически более древнее обличие, чем соответствующие хеттские окончания -zi, -nzi, в которых t перешло перед i в аффрику z. Лувийские окончания 3-го л. ед. ч. прош. вр. -ta и -nda также говорят о принадлежности лувийского к индоевропейской группе.

Для лингвистического определения ликийского языка решающее значение также имеет наличие типично индоевропейских личных глагольных форм¹³, при возможности этимологического сопоставления и отдельных лексических элементов. Так, например, в ликийском засвидетельствована, как и в лувийском, форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. на -ti (prīna-wa-ti «строит», ср. хетт. rarn-, rarnant- «дом, хозяйство»). Показательны также типичные индоевропейские окончания форм 3-го л. ед. и мн. ч. повел. накл.: лик. tuwe-tu «пусть положит» (ср. хетт. ija-du «пусть сделает», лат. ponito «пусть положит» из * -tōd, др.-инд. bhāratād «пусть понесет» и т. д.) и htepi-tatu (из * -nti) «пусть погребут» (ср. хетт. ijanu «пусть делают», лат. eunto «пусть пойдут», др.-инд. bhārantu и т. д.). Индоевропейское происхождение обнаруживают также ликийские местоименные формы, так, например, относительное местоимение ti (ср. греч. τίς, лат. quis, хетт. kwis); лик. ti-ke «кто-нибудь» соответствует лат. quisque, хетт. kuiski и т. д.

При особенно трудном, ввиду скудости материала, лингвистическом определении лидийского языка глагольные окончания и местоименные формы (например, лид. pis «кто», pid «что» — ср. оск. pis, pid, лат. quis, quid; лид. ami «я, мне» и ēmis «мой» — ср. лик. еми и еми и т. д.) также являются основным критерием¹⁴. Структура предложения во всех этих языках является типичной для индоевропейской языковой группы.

При крайней ограниченности текстового материала во всех подобного рода случаях изучение лексики представляет особую сложность. Незнание звуковых соответствий сильно затрудняет установление этимологических связей между ликийским, лидийским и т. п. и другими индоевропейскими языками. В то же время ограниченность лексического материала, содержащегося в надписях, не дает возможности для особенно интенсивной работы как в области лексики, так и в области сравнительно-исторической фонетики. В этом отношении клинописный хеттский (неситский) язык, с его богатой и разнообразной литературой, находится в несравненно более благоприятных условиях. Однако и для хеттского языка историческая морфология разработана неизмеримо глубже и детальнее, чем разделы лексики и фонетики.

Несмотря на неизбежные трудности, исследователям, работающим над материалом вновь открытых древних индоевропейских языков, постепенно все же удается устанавливать отдельные соответствия также в области лексики, подтверждающие выводы, достигнутые в первую очередь на основе анализа морфологической структуры. Так, например, лик. lada «жена» находит себе соответствие в славянском лада; ликийскому хlpa «мать» соответствует хетт. hāpnas «бабушка», лат. anus, f. «старуха», — др.-прусск.

¹³ См. H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, 1945.

¹⁴ См. P. Meriggi, Der indogermanische Charakter des Lydischen (Hirt-Festschrift, II, 1936).

ане «старая мать»; лик. *siḣeni* «лежит» непосредственно связано с санскр. *cēte*, гр. *κεῖται*, хетт. *kittari*; лик. *tuwetī* «ставит, воздвигает» соответствует русскому *ставит* и т. д.

В процессе этимологических исследований словарный состав древних малоазийских языков все более и более теряет свою первоначальную загадочность. Ярким примером может служить лексика клинописного хеттского (неситского), в которой, с продвижением изучения, обнаруживается гораздо больше индоевропейских корней, чем это можно было предполагать вначале.

Однако не может быть сомнения в том, что словарный состав индоевропейских языков древней Малой Азии содержит в себе, наряду с этимологически неразъясненными индоевропейскими элементами, также множество неиндоевропейских по своему происхождению слов, заимствованных в процессе скрещивания с такими генетически неродственными языками, как протохаттский, хурритский, урартский, древние языки Кавказа и др. Этимологический анализ этих заимствований равно важен для сравнительно-исторического исследования как индоевропейских, так и неиндоевропейских языков древней Малой Азии и прилегающих стран.

Для начальных этапов изучения хеттского и других индоевропейских языков Малой Азии была характерна несколько преувеличенная оценка роли неиндоевропейской лексики. Такая переоценка являлась естественным следствием того, что, при недостаточной изученности, словарный состав этих языков производил на первый взгляд впечатление полной чужеродности и непонятности, в то время как морфологическая структура уже с самого начала давала необходимые опорные точки для лингвистического определения. Отсюда на первых порах исследования часто возникали преждевременные и методологически неправильные выводы о том, что тот или иной язык (например, хеттский, лидийский и др.) является как бы двуприродным, соединяя в себе индоевропейскую морфологическую структуру с неиндоевропейской лексикой. Не понимая подлинной сущности процессов языкового скрещивания, многие зарубежные языковеды, говоря о малоазийских языках, часто пользовались такими терминами, как «скрещенные» или «смешанные» языки, «индоевропейский слой» или «налет» и т. п. Так, например, известный исследователь малоазийских языков И. Фридрих в работе 1931 г. утверждал, что хеттский не является «индоевропейским языком в обычном смысле этого слова», а «смешанным языком» (*eine Mischsprache*), причем «чуждое влияние сказалось главным образом в словаре»¹⁵.

В статье «Языковые слои в Эгейской области» В. Бранденштейн, встречаясь с фактом наличия в лидийских надписях бесспорно индоевропейского вопросительно-относительного местоимения, пытается усматривать в этом факте не более чем «индоевропейский налет» (*indogermanischer Einschlag*)¹⁶.

Среди представителей «нового учения» о языке, разделявших анти-историческую концепцию языковых скрещиваний Н. Я. Марра, подобного рода утверждения встречали поддержку. Так, например, стремясь объяснить возникновение индоевропейской языковой семьи как результат смешения, скрещивания разнородных языковых элементов, автор данной статьи в 1948 г. пытался утверждать, что своеобразие хеттского языка будто бы объясняется тем, что при формировании его «имели место иной

¹⁵ J. Friedrich, *Hethitisch und «Kleinasiatische» Sprachen, Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft*, ч. II, т. 5, вып. I, 1931, стр. 39.

¹⁶ W. Brandenstein, *Die Sprachschichten im Bereich der Agäis, Festschrift-Hirt*, II, 1936, стр. 43—44.

характер и иное соотношение компонентов»¹⁷, чем в других индоевропейских языках.

Для исследователей, видевших (несомненно, под влиянием односторонней и декларативной марровской критики) цель борьбы с буржуазной лингвистической наукой в опровержении мнений о принадлежности тех или иных языков к индоевропейской группе, характерна следующая формулировка в статье П. Н. Ушакова «Эпиграфические памятники Лидии»¹⁸: «Индоевропеоподобный характер хеттского неситского языка, сводящийся к индоевропейским чертам в грамматике и к 10—20 процентам сходства в лексике, побудил Б. Грозного развить положение о том, что хетты XV—XIII вв. до н. э.— потомки «чистых индоевропейцев», пришедших из Европы, язык которых искажился в результате смешения с коренными малоазиатскими народами»¹⁹. И далее идет неудачная попытка доказать на основе некоторых устарелых зарубежных работ, и в частности на основе фантастических толкований Ф. Борка, «алародийский» характер хеттского языка.

Не говоря о неточности приводимых П. Н. Ушаковым хронологических дат и процентов лексического сходства и оставляя пока в стороне вопрос о переселении хеттов-неситов в Малую Азию, отметим, что положение о «индоевропеоподобном характере» языка, так же как приводившиеся выше утверждения о «смешанности», «скрещенности» хеттского и других малоазиатских языков, об индоевропейском или неиндоевропейском «налете», языковом «слое» и т. п.,— не выдерживают критики в свете учения И. В. Сталина об основе языка и о закономерностях языкового развития. Как учит И. В. Сталин, основу языка, сущность его специфики составляют грамматический строй и основной словарный фонд. Следовательно, если анализ языка обнаруживает морфологическую структуру, свойственную определенной языковой группе (семье), и если в результате последовательного изучения словарных материалов раскрывается серия этимологий, также свидетельствующих о присущем данной группе корнеслове, то именно эти факты, и никакие другие, дают основания для определения генетической принадлежности изучаемого языка.

Характерно, что последовательный представитель сравнительно-исторического метода в языкознании А. Мейе подверг (в своей рецензии на работу И. Фридриха) обоснованной критике точку зрения о «смешанном» характере хеттского языка. «Индоевропейский язык,— пишет Мейе,— это язык, морфология которого объясняется из индоевропейских фактов; а хеттская морфология имеет чисто индоевропейский характер... Если же, войдя в сферу новой цивилизации, хеттский народ заимствовал больше слов, чем какой-либо другой язык семьи, то это ничего не меняет в индоевропейском характере языка»²⁰.

Не приходится сомневаться в том, что в процессе становления народностей древнего мира скрещивания языков имели место неоднократно. И. В. Сталин, перечисляя исторические факторы, вносившие изменения в язык и его развитие, говорит о том, что «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»²¹. Однако в результате скрещивания никогда не возникало новых языков. Развитие языка происходило, как учит И. В. Сталин, «...путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»²². Скрещива-

¹⁷ А. В. Десницкая, К проблеме исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.» 1948, № 3, стр. 250.

¹⁸ См. «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.

¹⁹ Указ. соч., стр. 57.

²⁰ Bull. de la Soc. de Ling. de Paris, т. 32, вып. 3, 1931, стр. 57.

²¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

²² Там же.

ние же языков, происходившее в ходе исторического развития народов, не давало какого-то нового третьего языка, а сохраняло один из языков, сохраняло его грамматический строй и основной словарный фонд и давало ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития²³.

Таким образом, в свете марксистской теории языка совершенно ясна глубокая ошибочность точки зрения о существовании каких-то «двуприродных», «смешанных» или «скрещенных» языков.

Успехи, достигнутые в области лингвистического определения древних малоазийских языков, свидетельствуют о плодотворности применения сравнительно-исторического метода, который, как указал И. В. Сталин, «...толкает к работе, к изучению языков...»²⁴.

Одной из очередных проблем сравнительно-исторического языкознания в настоящее время является классификация недавно открытых и открываемых языков индоевропейской группы, определение их отношений друг к другу, а также места, занимаемого ими в кругу остальных индоевропейских языков. На проблеме клинописного хеттского языка, материалы которого давно уже неотъемлемо вошли в разработку индоевропейской сравнительной грамматики, мы остановимся специально несколько ниже. Кратко задержимся еще на некоторых вопросах, которые в настоящее время привлекают к себе особенное внимание исследователей в области языков древней Передней Азии. Как было указано выше, уже доказано близкое родство клинописного хеттского и, в особенности, лувийского языков с лийским. Близость хеттского и лувийского также не вызывает сомнений. Всеобщий интерес вызывает сейчас разгадка тайны «иероглифического хеттского» языка. Б. Грозный отождествлял этот язык с палайским²⁵, предлагая локализовать город Пала, в противоположность другим исследователям, в Сирии. Исследователь знаменитой хеттско-финиксийской билингвы Х. Боссерт сближает, на основе морфологических признаков (окончание 1-го л. прош. вр. *h-a* и др.), язык северносирийской иероглифической письменности с лувийским, область распространения которого в эпоху хеттского царства составляла южная часть Малой Азии²⁶. Обобщая результаты исследования индоевропейских малоазийских языков в книге «Хетты и хеттский язык»²⁷, Ф. Зоммер включает иероглифический хеттский в состав более тесного языкового единства, вместе с клинописным хеттским, палайским и лувийским языками.

Привлекает внимание отмеченный Боссертом²⁸ любопытный факт фонетического совпадения образований от общеиндоевропейского корня **nebh-* в иероглифическом хеттском и балтийских языках. Иероглифическому хеттскому *tapas* «небо» соответствует литов. *debesis* (в диалектах также *peresis*) «туча», др.-прусс. *delbes* «небо». В то же время все остальные индоевропейские языки, включая и клинописный хеттский, имеют формы с начальным *n*: ст.-слав. и русск. *небо*, хетт. *nepiš* «небо», др.-инд. *nábhās*, греч. *νεφος* «облако», лат. *nebula*, др.-в.-нем. *nebul* «туман» и т. д. Конечно, такого совпадения недостаточно для каких-либо выводов историко-генетического порядка; но однако с этим фактом можно связать интересное сопоставление (если только правильно чтение соответствующего знака) хеттско-иероглифического указательного местоимения *sīs* «этот»

²³ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 30.

²⁴ Там же, стр. 33.

²⁵ B. Hrozný, *Les inscriptions «hittites» hiéroglyphiques de Boybeyunari et le problème de la langue paláite* (Archiv Orientalní, т. VII, 1935, N 1—2).

²⁶ H. Bossert, *Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe* («Oriens», т. 1, 1948).

²⁷ F. Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, стр. 36.

²⁸ H. Bossert, *Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe* («Oriens», т. 2, 1949, стр. 110—111).

сослав. съ, лит. *szis* «этот» из индоевр. * *k'is*. На основании этого соответствия и некоторых других делается вывод о принадлежности иероглифического хеттского к группе *satəm*²⁹, в то время как клинописный хеттский и лувийский бесспорно обнаруживают состояние заднеязычных звуков, типичное для языков *centum*. Этим обстоятельством, несомненно, осложняется проблема классификации индоевропейских языков Малой Азии.

В порядке обсуждения этого трудного вопроса выскажем следующую догадку: может быть материалы иероглифического хеттского свидетельствуют лишь о более раннем проявлении действия закономерной для ряда индоевропейских языков (см. выше) фонетической тенденции к палатализации заднеязычных согласных, а клинописный хеттский обнаруживает в этом отношении более архаичное состояние звуковой системы?

Во всяком случае, следует подчеркнуть исключительную сложность вопроса о лингвистическом определении языка хеттских иероглифов. Если действительно в нем неличеству относительно местоимение *jaš*³⁰ (ср. др.-инд. *yañ*, греч. *ῥς*), в то время как в клинописном хеттском эта местоименная основа безусловно отсутствует, при наличии, однако, индоевропейского же вопросительно-относительного местоимения *kwīš* (ср. лат. *quīs* и т. д.) то это различие также нарушает картину близости хеттского клинописного и хеттского иероглифического языков. Факт непосредственного соответствия иероглифического *jaš* древнеиндийскому *yañ* интересен еще в связи с тем, что в хуррийском государстве Митани (северная Месопотамия) играли какую-то роль этнические элементы, говорившие на языке индоиранской группы (о чем свидетельствуют имена индийских богов Митра, Варуна, Индра, Насатии, некоторые имена собственные, а также индийские технические выражения, связанные с коневодством и т. д.)³¹.

Возможные предположения, связанные с лингвистическим определением иероглифических материалов, осложняются еще тем, что до сих пор не выяснено, имеем ли мы в данном случае дело с одним языком или с разными, в особенности если вспомнить о том, что иероглифические памятники были распространены не только в Северной Сирии, но и в центральной части Малой Азии, притом в более раннюю эпоху (II тысячелетие до н. э.) и наряду с клинописью.

Вопрос о месте, занимаемом малоазийскими языками в кругу других индоевропейских языков, также привлекает к себе внимание представителей сравнительно-исторического языкознания. Гипотеза об особом «индохеттском праязыке», выдвинутая в свое время Форрером и развитая американским языковедом Стертевантом, давно уже не находит себе сторонников. Датский ученый Х. Педерсен предлагает рассматривать хеттский, лувийский, иероглифический хеттский, ликийский и, возможно, лидийский языки как равноправную одиннадцатую группу или ветвь в составе индоевропейской языковой семьи³². Вопрос о «боковом родстве» (как его ставили Стертевант и др.), таким образом, совершенно снимается.

Вл. Георгиев в своем интересном исследовании о «догреческом» или «пелазгском» языке выдвигает новую классификацию индоевропейских языков на три больших диалектных группы: северную, центральную и

²⁹ Об этом см. V l. Georgiev, *État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques* (Archiv Orientalní, т. XVII, ч. I, 1949, стр. 283).

³⁰ См. В. Грозный, *Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens*, Praha, 1943, стр. 135.

³¹ См. Б. Грозный, Хеттские народы и языки, «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 31—32.

³² См. Н. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938, стр. 190—191.

южную³³. К северной группе он относит славянские, балтийские и германские языки, к центральной — итальянские, греческий и индоиранские; кельтские он считает связующим звеном между германскими и итальянскими. Наконец, к южной группе Вл. Георгиев относит пелазгский, лувийский, клинописный хеттский и иероглифический хеттский языки; иллирийский, фракийский и тохарский также оказываются промежуточными между центральной и южной группами.

Эта схема, так же как и другие подобного рода попытки разрешения сложного вопроса об исторических отношениях между отдельными языками и языковыми группами внутри индоевропейского лингвистического единства, вызывает целый ряд возражений прежде всего фактического порядка. Так, например, в ней неучтенными оказались несомненно существующие древние славяно-индоиранские, славяно-хеттские и д. п. связи. Однако факт выделения особой группы южных индоевропейских языков, куда включается целый ряд языков, прежде не известных, и постановка специальной задачи изучения этой группы говорят о значительном расширении материала, которое должно сыграть большую роль и в дальнейшей разработке вопроса о индоевропейском языковом родстве.

С проблемой исторического соотношения между отдельными группами индоевропейских языков тесно связан вопрос о времени и о путях переселения в Малую Азию племен и народностей, принесших с собой индоевропейские языки. Этот вопрос имеет свою долгую историю, на которой мы в данной статье не имеем возможности остановиться. Отметим кратко лишь основные из существующих в настоящее время точек зрения. Древнейшие исторические данные о хеттско-неситском государственном образовании относятся к началу II тысячелетия до н. э. К XX в. до н. э. относятся знаменитые каппадокийские таблички — торговые записи ассирийских купцов в Каппадокии (на древнейшем ассирийском языке). Неиндоевропейские по своему характеру имена собственные коренных жителей страны, с которыми вступали в деловые отношения представители ассирийских торговых колоний, говорят о том, что это еще было исконное хеттское или протохеттское население. Следовательно, в центральной части Малой Азии (в области реки Галиса — ныне Кизил Ирмак), составившей затем основную территорию хеттского царства, хетты-неситы могли появиться не ранее этого времени. В хеттской литературе никаких указаний на переселение не найдено³⁴.

Относительно путей переселения долгое время господствовала точка зрения о том, что хетты-неситы, так же как и другие малоазийские народы, говорящие на индоевропейских языках, переселились в Малую Азию из юго-восточной Европы, через Балканы. В частности, это мнение выдвигал еще в 1938 г. Б. Грозный³⁵. А. Гёце также придерживался этой точки зрения в своей книге «Малая Азия»³⁶. Такого же мнения придерживался и Вл. Георгиев, разрабатывая свою теорию южноиндоевропейских языков. Устанавливаемая им для Эгейской области непрерывная цепь древних индоевропейских языков, непосредственно связанных с языками Малой Азии, поддерживает эту гипотезу, подкрепляемую также археологи-

³³ См. V l. G e o r g i e v, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, София, 1941, стр. 154 и сл.

³⁴ Косвенное свидетельство об изменении географической среды Зоммер усматривает в том, что в одном из хеттских ритуальных текстов прославляется солнце, встающее из моря. Зоммер видит в этом отдаленное воспоминание о пребывании хетто-неситов на западном берегу одного из морей — Черного или Каспийского (S o m m e r, *Hethiter und Hethitisch*, 1947, стр. 1 и сл.)

³⁵ См. Б. Грозный, *Хеттские народы и языки*, «Вестник древней истории», 1938, № 2.

³⁶ См. A. G ö t z e, *Kleinasien. Handbuch der Altertumswissenschaft*, разд. I, ч. I, т. 3, 1933, стр. 48.

ческими материалами (в частности, известным фактом связи трипольской культуры с Малой Азией).

Однако в последнее время гипотеза о балканском пути переселения хеттов в Малую Азию встречает серьезные возражения. Против нее выступают такие авторитетные исследователи, как Б. Грозный, резко изменивший свою точку зрения, и Ф. Зоммер. Уже в работе 1940 г. Грозный заявил, что хетты «пришли через Кавказ, а не через Балканы»³⁷. В позднейших работах он развил свое положение о приходе хеттов из Южной России через Кавказ, подчеркнув тесные связи хеттов с переднеазиатской культурой³⁸.

Зоммер также поддерживает точку зрения о кавказском пути переселения хеттов в Малую Азию³⁹. Так же как Грозный, Зоммер подчеркивает то обстоятельство, что древнейшие центры хеттского государства, о которых сообщают исторические хеттские хроники, были расположены к востоку от собственной территории страны Хатти; экономика и культура хеттского царства, основная направленность политических интересов хеттской государственности в течение ряда веков — все это указывает на теснейшие связи с востоком. Самый факт заимствования аккадской клинописи не от ассирийских торговых колоний в Каппадокии, а из другого источника, говорит, по мнению Б. Грозного и Ф. Зоммера, о том, что хетты получили клинописное письмо на своем пути через Верхнюю Месопотамию.

Решение спорного вопроса о путях переселения хеттов в Малую Азию имеет большое значение для изучения древней истории индоевропейских языков. Окончательные выводы по этой проблеме были бы, как нам кажется, еще преждевременны. Углубленное ее изучение, с учетом всех фактов, говорящих в пользу каждой из выдвигаемых точек зрения, при возможности поступления новых исторических материалов, составляет одну из очередных задач, стоящих перед исследователями древней истории Передней Азии.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с изучением клинописного хеттского языка. В то время как изучение других древних малоазиатских языков находится еще в начальной стадии, научная разработка хеттского имеет уже свою длительную историю. С того времени, как Б. Грозный опубликовал первую хеттскую грамматику⁴⁰, прошло 35 лет. Открытие Грозным принадлежности хеттского к индоевропейской языковой группе было сперва встречено с недоверием. Но, благодаря начавшейся широкой публикации хеттских клинописных текстов и дальнейшему углублению исследования хеттской языковой структуры, недоверие это очень скоро рассеялось и хеттский язык сделался предметом пристального внимания со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания.

Правда, в 20-х гг. некоторые немецкие языковеды (например, F. Bork и Hüsing) еще пытались, вопреки очевидным фактам, опровергать открытую Б. Грозным принадлежность хеттского (неситского) к индоевропейской языковой группе, доходя до отрицания самых несомненных и ясных этимологий⁴¹. Однако, благодаря углубленной разработке основ-

³⁷ Б. Грозный, Доисторические судьбы Передней Азии, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4, стр. 45.

³⁸ B. H r o z n ý, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, стр. 145.

³⁹ См. F. S o m m e r, Hethiter und Hethitisch, стр. 1—10.

⁴⁰ B. H r o z n ý, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1917.

⁴¹ Изложение устарелых и научно несостоятельных утверждений Борка читатели найдут в уже упоминавшейся выше статье П. Н. Ушакова «Эпиграфические памятники Лидии», «Вестник древней истории», 1940, стр. 55—61.

ных проблем хеттологии, подобного рода утверждения давно уже потеряли под собой почву.

Не лишено интереса вспомнить позицию Н. Я. Марра по этому вопросу. Обладая лишь поверхностными сведениями о структуре хеттского (неситского) языка ⁴², он, однако, упорно настаивал на его чисто «яфетическом» характере. В качестве характерного примера необоснованности его утверждений приведем следующее высказывание: «Последние годы много было шуму по вскрытому проф. Грозным (Hrozny), казалось, «индоевропеизму» языка клинописных памятников хеттов, но элементарных сведений по яфетическому языку было бы достаточно, чтобы Hrozny отказался от поспешного своего утверждения; так, например, одного специфически яфетического синтаксического явления, именно постановки логического субъекта в дательном (он же винительный падеж) падеже, а логического объекта в именительном, было бы достаточно, чтобы не оттягивать, например, языка хеттского законодательства у яфетидов, выявляющих себя в нем и самими формами и словами, в числе которых имеем поразительные встречи между прочим с чувашским» ⁴³.

Не говоря уже о том, что синтаксические конструкции являются наименее надежным при сравнительно-исторических сопоставлениях материалом, сами факты хеттского языка изображены Н. Я. Марром неправильно. Хеттский язык обладает типичной для всех индоевропейских языков конструкцией предложения с подлежащим в именительном и прямым дополнением в винительном падежах. Ничего похожего на характерную для кавказских языков эргативную конструкцию предложения в хеттском (неситском) языке не наблюдается (сказанное не относится к хаттскому или «протохаттскому» языку, который, весьма вероятно, действительно родственен кавказским языкам). «Яфетидизм» хеттского Н. Я. Марр неоднократно пытался доказывать также путем сравнения (с помощью анализа по четырем элементам) с чувашским (!) языком и с енисейским кетским (!). Н. Я. Марром не только ничего не было сделано для выяснения реальных исторических отношений между хеттским и иберо-кавказскими языками, но своими противоречащими очевидным фактам утверждениями он лишь запутал этот вопрос.

Хеттология за три с половиной десятилетия своего существования оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Огромное количество текстов, притом весьма разнообразных и интересных по содержанию, явилось основой для развертывания широкой филологической работы. К настоящему времени уже опубликовано большое количество памятников, составлено несколько грамматик и хрестоматий со словарями, выпущен ряд обобщающих работ, а также множество мелких исследований по отдельным вопросам хеттской грамматики.

Словарный состав хеттского языка оказался содержащим гораздо больше индоевропейских корней, чем это предполагалось вначале. Приведем несколько примеров словарных соответствий хеттского другим индоевропейским языкам. Глагольные корни: хетт. *ed-(etmi, 3 мн. adanzi)*, ср. лат. *edō* «ем», греч. *ἐδορα*, русск. *ем* (см. слав. *ѣмь*), лит. *édmi*, гот. *ita*, санскр. *admi* и т. д.; хетт. *ep-«схватывать»* (1-е л. ед. ч. *epmi*, 3-е л. ед. ч. *epzi*, 3-е л. мн. ч. *arpanzi*), ср. санскр. *āpnōti* «достигает», лат. *apiscor, aptus*; хетт. *eš- «быть»* (*ešmi*, 3-е л. ед. ч. *ešzi*, 3-е л. мн. ч.

⁴² Об этом свидетельствуют как опубликованные высказывания Н. Я. Марра, так и материалы его архива, которые содержат лишь отрывочные записи отдельных слов, с попыткой их анализа «по четырем элементам».

⁴³ Н. Я. Марр, О происхождении языка, 1926 (Избранные работы, т. II, стр. 186).

ašanzi), ср. санскр. āsmi, āsti, греч. εἰμί, ἐστί, русск. *есмь, есть*, гот. im, ist и т. д.; хетт. da(i)- «ставить, класть», ср. санскр. dhā-, греч. θη-(τίθημι) и т. д.; хетт. ues- uas- «одеваться», ср. санскр. vas, лат. vestis «одежда»; хетт. uek- «желать, требовать», ср. др.-инд. vaṣ- «желать», греч. ἐκῶν (<*Fεκῶν) «добровольный»; хетт. širand- «совершать возлияние», ср. греч. σπένδω и т. д.; хетт. taia- «украсть», ср. ст.-слав. *оу-та-и*ж, русск. *утаить*.

Основы имен существительных: хетт. uatar, uetenaš «вода», ср. греч. ὕδωρ, русск. *вода*, др.-сакс. watar, нем. Wasser, гот. wato, др.-инд. udakām, udnāh и т. д.; хетт. pahhur «огонь», ср. греч. πῦρ, гот. fon, funins, др.-в.-нем. fuir; хетт. nepiš «небо», ср. русск. *небо*, др.-инд. nābhas, греч. νέφος «облако, туча», лат. nebula «туман», нем. Nebel и т. д.; хетт. kard- «сердце», ср. лат. cor, cordis, греч. καρδία, хѣр, русск. *сердце*, лит. širdis, арм. sirt, гот. hairto и т. д.; хетт. genu «колено», ср. лат. genu, греч. γόνυ, санскр. jānu, гот. kniu, арм. sunr; хетт. ešhar «кровь», лат. *aser (засв. assyr), греч. ἄρ (<*esar), др.-инд. asṛk, латыш. asins; хетт. milit (melit) «мед», ср. греч. μέλι, μέλιτος; хетт. tuzziš «войско», ср. оск. touto, гот. thiuda «народ»; хетт. haštāi «кость», ср. др.-инд. asthi, греч. ὀστέον; хетт. taru «дерево», ср. греч. δέντρο, др. инд. dāru и т. д. Прилагательные: хетт. neua- «новый», ср. лат. novus, греч. νέος ст.-сл. *новъ*, др.-инд. nava-, нем. neu и т. д.; хетт. harkiš «белый», греч. ἄργυρος «белый, светлый»; хетт. dankui- «темный, черный», ср. нем. dunkel; хетт. palhiš «широкий», ср. лат. plānus и т. д.

Служебные слова: хетт. anda «внутри», ср. др.-лат. endo; хетт. hanti «перед», ср. лат. ante, греч. ἄντι; хетт. appa «обратно», греч. ἀπό «от» и т. д.

Все приведенные слова, несомненно, принадлежат основному словарному фонду хеттского языка, который выявляет, таким образом, общие с другими индоевропейскими языками корни. Список слов с уже выясненной индоевропейской этимологией можно значительно увеличить.

В процессе исследования словарный состав хеттского языка все более и более проясняется. К сожалению, благодаря постоянному употреблению в хеттской клинописи шумерских идеограмм и отдельных аккадских слов и словосочетаний (используемых как графические знаки для обозначения соответствующих хеттских слов и выражений), многие чрезвычайно важные элементы хеттской лексики остаются до сих пор неизвестными (например, такие слова, как *сын, дочь, бык, корова, нос, зуб*, и т. д.). В то же время словарный состав содержит в себе много таких слов, которые явно не имеют индоевропейских этимологий и, видимо, были заимствованы из неиндоевропейских языков Малой Азии. Особенно насыщены подобного рода лексическими элементами ритуальные тексты. Названия многих предметов, употреблявшихся при обрядах, до сих пор еще не переведены. Это обстоятельство связано с тем, что хетты-неситы, видимо, заимствовали религиозные культы у коренных жителей Малой Азии и прилегающих областей — у хаттов и хурритов.

Неиндоевропейские элементы в словарном составе хеттского языка изучены очень слабо. Большое значение в этом изучении может иметь привлечение материалов иберийско-кавказских языков. Вообще, для плодотворного исследования древних малоазийских языков как индоевропейских, так и неиндоевропейских координация работы кавказоведов со специалистами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков является одним из необходимых условий.

Я не буду останавливаться на описании основных особенностей морфологической структуры хеттского языка в ее соотношениях с морфологической структурой других языков индоевропейской группы. Описание

грамматического строя хеттского языка и изложение основных теоретических проблем, встающих в этой связи, содержится в работе А. А. Фреймана «Хеттский язык в его отношении к индоевропейским»⁴⁴. Задержим внимание лишь на одном вопросе, решение которого имеет определяющее значение для сравнительно-исторического изучения хеттских языковых материалов.

При сопоставлении с другими индоевропейскими языками выявляются некоторые своеобразные черты структуры хеттского языка. Эти черты выражаются: а) в наличии в хеттском некоторых грамматических форм, отсутствующих в других языках индоевропейской группы, и б) в отсутствии в хеттском целого ряда грамматических категорий и форм, составляющих специфическую принадлежность морфологической структуры древних индоевропейских языков.

В связи с этим, при определении отношения хеттской структуры к реконструируемому на основе данных других языков общеиндоевропейскому исходному состоянию, обнаружились две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, своеобразные черты хеттского языка трактуются как наследие более древнего, еще доиндоевропейского состояния. Другая же теория рассматривает строй хеттского языка как своеобразный продукт дальнейшего развития общеиндоевропейской языковой структуры, причем в процессе этого развития имели место и утеря некоторых категорий и ряд новообразований.

Первая из точек зрения наиболее яркое выражение получила в так называемой «индохеттской» гипотезе американского хеттолога Э. Стертеванта. В своей «Сравнительной грамматике хеттского языка»⁴⁵, Стертевант выдвинул схему, согласно которой праиндоевропейский и прахеттский рассматривались как две самостоятельные ветви еще более древнего индохеттского праязыка. По этой схеме хеттский язык, с одной стороны, оказывался сохранившим более древние, чем общеиндоевропейские, «праиндохеттские», черты; с другой же стороны, отличия его от других индоевропейских языков объяснялись более отдаленной степенью родства.

Схема эта встретила критическое отношение со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания. Так, например, А. Мейе в аннотированной библиографии, приложенной к 7-му изданию «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» (1934 г.), упрекнул Стертеванта в некоторой субъективности подхода, а также в том, что он «слишком отдаляет хеттский язык от прочих индоевропейских»⁴⁶.

Дальнейшее углубление сравнительно-исторического исследования хеттских материалов показало, что все элементы морфологической структуры этого языка имеют основу, общую с остальными индоевропейскими языками, что отсутствие тех или иных форм во многих случаях объясняется их утерей и что специфически хеттские новообразования возникли путем использования морфологических элементов, имеющих себе соответствия в других языках индоевропейской группы. Эта концепция была наиболее детально разработана в книге датского лингвиста Х. Педерсена «Хеттский и другие индоевропейские языки»⁴⁷ который дал подробный сравнительно-грамматический анализ хеттской морфологии.

После этого теория американского лингвиста окончательно потеряла под собой почву и в языкознании утвердилась точка зрения о равном с

⁴⁴ См. «Изв. АН СССР, Отд. ли-ры и яз.», 1947, вып. 3.

⁴⁵ См. E. H. Sturtevant, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933.

⁴⁶ А. Мейе, Введение..., М. 1938, стр. 480.

⁴⁷ H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kopenhagen, 1938.

другими положениями хеттского языка в кругу индоевропейского лингвистического единства.

История отдельных родственных между собой индоевропейских языковых групп показывает, как каждая из них развивается путем развертывания основных элементов древней, исходно общей для них всех языковой структуры. Но внутренние законы этого развития получают, в конкретных исторических условиях, сотни и тысячи различных проявлений, при наличии, однако, и ряда общих для всей языковой семьи закономерных тенденций развертывания исходного общего древнего материала.

Для отдельных языковых групп характерна различная степень устойчивости в сохранении элементов древней грамматической структуры. Так, например, славянские (за исключением болгарского) и балтийские языки на протяжении многих веков своего развития сравнительно устойчиво сохраняют систему именной флексии, в то время как в германских, и в особенности в романских и кельтских языках, падежные окончания очень рано подвергаются процессам редукции. Зато переоформление древней системы видовременных категорий (презентс-аорист-перфект) в славянских языках совершается достаточно интенсивно (так, например, категория архаического индоевропейского перфекта в славянских языковых памятниках уже не засвидетельствована, если не считать изолированной формы *въдѣ*). В латинском и германских языках смещение древних форм аориста и перфекта произошло, видимо, еще в доисторическую эпоху, в то время как история греческого языка показывает нам длительное сохранение остатков этих форм.

В свете подобного рода фактов не должно вызывать особого изумления отсутствие в хеттской глагольной системе категорий аориста и перфекта. Как показывает сравнительно-морфологический анализ, парадигма хеттского прошедшего времени включила в себя остатки сигматических аористных образований. Судьба перфекта не ясна. Есть основания связывать с этой категорией формы хеттского спряжения *na-ḫi*, хотя вопрос этот далеко еще не решен. Во всяком случае, нет никаких оснований усматривать в системе хеттского глагола особо архаичные, в сравнении с другими древними индоевропейскими языками, черты. Наоборот, она выглядит как результат известного упрощения характерной для древнего состояния всех индоевропейских языков сложной системы видовременных основ, отчетливо сохранявшей свои основные черты лишь в древнегреческом и древнеиндийском языках. А тенденция к упрощению архаической видовременной системы являлась одной из закономерностей развития грамматического строя индоевропейских языков. Это показывает история каждого из них.

Раннее проявление этой тенденции в хеттском языке было, несомненно, связано с конкретными историческими условиями его развития, определить которые в настоящее время не представляется возможным. Во всяком случае нет оснований особо удивляться этому факту, так же как нет оснований удивляться распространению в хеттском описательных глагольных конструкций, образованных с помощью вспомогательных глаголов *ḫark* «иметь» и *daḫ* «ставить, класть» в сочетании с причастными и инфинитивными формами (что, по мнению некоторых исследователей, придает хеттскому особо «современный» облик). Все это есть не что иное, как своеобразное для данного языка проявление внутренних законов развертывания основных элементов структуры, заложенной в глубокой древности и исходно общей для группы родственных языков.

Какой бы из индоевропейских языков мы ни взяли, мы обнаружим в каждом из них свои особенные, только ему присущие черты. Хотя сравнительно-грамматический анализ и показывает нам исторические истоки

каждой отдельной формы, но, однако, целое не тождественно тем элементам, из которых оно сложилось путем развертывания и совершенствования по внутренним законам развития. И хеттский язык в этом отношении не составляет исключения. Усматривать в некотором своеобразии хеттской системы глагольных форм особые «неиндоевропейские черты» было бы так же необоснованно, как, например, определять как «неиндоевропейскую» систему видовых категорий с их специфическим формальным выражением в современных славянских языках. Система эта существенно отличается от структуры глагольных категорий, которая сравнительно-грамматическим путем устанавливается в качестве древней исходной основы для всех индоевропейских языков; однако она не возникла на пустом месте, а представляет собой своеобразный результат закономерного развития элементов этой древней структуры.

Если хеттский язык, как это твердо установлено, генетически принадлежит к числу индоевропейских языков, то все элементы его грамматического строя могут и должны быть в конечном счете этимологически объяснены на основе фактических материалов данной лингвистической группы.

При скрещивании, как указывает И. В. Сталин, сохраняется грамматический строй победившего языка.

Система словоизменения представляет одну из наиболее устойчивых и не подверженных влияниям сторон языковой структуры. Поэтому мы не можем согласиться с той уступкой теории скрещивания, которую делают некоторые зарубежные ученые относительно отдельных хеттских падежных форм. Так, например, Ф. Зоммер полагает, что хеттский формант родительного падежа от местоименных основ (-el) мог быть заимствован из неиндоевропейских языков⁴⁸. Как нам представляется, в таком допущении вовсе нет необходимости.

Хеттские формы *keḷ* «этого», *apeḷ* «того», *kuēḷ* «кого» и т. д., хотя в остальных индоевропейских языках и не обнаруживаются аналогичные падежные образования, могут быть объяснены по связи с прилагательными, образованными с помощью форманта -l-. Ср. лат. *talīs* «такой», греч. *τῆλιος* «столь великий», ст.-слав. *толикъ*, наречие *толь* и т. д. Х. Педерсен справедливо полагает, что в основе создания хеттской местоименной формы родительного падежа на -el лежало употребление притяжательного прилагательного, ср. лат. *erilis filius* «хозяйский сын» и т. п.⁴⁹

Однако широко распространенная теория о том, что все элементы грамматического строя хеттского объясняются на основе той системы форм индоевропейского языка-основы, которая традиционно воссоставляется с помощью сравнительно-грамматического анализа, нуждается, как нам кажется, в известных поправках. Исторический подход к проблеме развертывания грамматического строя индоевропейских языков убеждает нас в том, что своеобразие хеттского заключается не только в индивидуальном развитии ряда категорий и утере отдельных древних форм, но также и в сохранении некоторых более архаичных явлений.

В частности, мы не можем согласиться с Педерсеном⁵⁰, Фридрихом⁵¹ и Зоммером⁵² по вопросу о грамматической категории женского рода. Упомянутые исследователи, исходя из неисторического представления о структуре индоевропейского языка-основы, как уже вполне сложившейся во всех своих основных чертах и с самого начала уже обладавшей полной системой грамматических категорий, характерных для таких язы-

⁴⁸ F. Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, стр. 86—88.

⁴⁹ H. Pedersen, *Hittitisch...*, стр. 55.

⁵⁰ Там же, стр. 13 и сл.

⁵¹ J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, ч. I, 1940, стр. 14.

⁵² F. Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, стр. 53.

ков, как древнеиндийский или древнегреческий, полагают, что хеттский утратил имевшуюся в праязыке грамматическую категорию женского рода. Между тем, сравнительно-исторический анализ категории рода в латинском и греческом языках обнаруживает первоначальное отсутствие формальной дифференциации категорий мужского и женского родов. Об этом свидетельствует склонение основ на -o-, на -ā, на -i-, на -u-, на согласные звуки. Об этом же говорят прилагательные двух окончаний (лат. *fortis, forte*), которые, четко оформляя различие категорий одушевленности и неодушевленности, не дают дифференциации на мужской и женский род. Ср. также вопросительные местоимения в большинстве индоевропейских языков: лат. *quis-quid*, русск. *кто-что*, нем. *wer-was* и т. д.

На основе подобных фактов давно уже было выдвинуто предположение о том, что деление на категории мужского и женского родов развилось в индоевропейских языках сравнительно поздно, а ему предшествовало двучленное деление лексики на обозначения одушевленных и неодушевленных предметов⁵³. Материалы хеттского языка, четко проводящего двучленное деление имен на общий и средний род, но не выделяющего отдельно категории мужского и женского родов, блестяще подтвердили это предположение⁵⁴.

Вряд ли есть необходимость слепо держаться за однажды установленную схему морфологической структуры языка-основы и пренебрегать теми данными, которые дает нам для более глубокого сравнительно-исторического анализа такой древний язык, каким является хеттский.

Известная недооценка архаизма некоторых элементов хеттской языковой структуры сказывается также в постановке ряда других вопросов в трудах виднейших представителей зарубежного сравнительно-исторического языкознания.

Непоследовательность исторического подхода к языковым явлениям, в частности к грамматике, которая есть «...результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления...»⁵⁵, составляет один из основных недостатков сравнительного метода в старом его применении. Этот недостаток не мог не сказаться и на сравнительно-историческом изучении хеттского языка, над которым слишком еще тяготеют традиционные схемы. Между тем, хеттский не только освещается с помощью установленных ранее фактов индоевропейской сравнительной грамматики, но он и сам, своими материалами помогает глубже понять исторические закономерности развития той языковой группы, в которую он входит.

Как много нового может принести сравнительно-историческому языкознанию привлечение материалов неизвестного прежде языка, свидетельствует факт установления в хеттском ларингальных звуков, блестяще подтвердивших ту схему древнейшего индоевропейского вокализма, которая была еще в 1879 г. гипотетически реконструирована Соссюром на основе анализа закономерных чередований гласных. Хотя в так называемой «ларингальной теории» многое еще подлежит уточнению и дальнейшей разработке, не может быть сомнения в том, что при опоре на хеттские языковые данные изучение закономерностей древнейшей структуры слова в индоевропейских языках стало на несравненно более твердую почву.

⁵³ См. A. Meillet, *Essai de chronologie des langues indo-européennes* (Bull. de la Soc. Ling. de Paris, 32, 1931).

⁵⁴ Возможность установить в хеттском следы исчезнувшего типа основ на -ā вовсе не влечет за собой необходимости признания утери также формальной категории женского рода.

⁵⁵ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

*

Расширение базы сравнительно-исторических исследований путем привлечения материалов по неизвестным прежде родственным языкам имеет огромное положительное значение, позволяя углубить исторический анализ структуры и законов развития каждого из входящих в изучаемую лингвистическую группу языков.

В настоящее время перед сравнительной грамматикой индоевропейских языков открылись новые перспективы, связанные с обогащением наших сведений по древнейшим языкам этой группы. Однако новые данные важны не только в плане углубления историко-грамматических исследований. В изучении сложной проблемы происхождения родства индоевропейских языков, в частности, вопроса о древнейшей территории расселения племен—носителей индоевропейской речи, а также вопросов хронологического порядка, наличие датированных II тысячелетием до н. э. письменных текстов на индоевропейских языках, накопление новых данных по истории народов древности и достижения археологической науки создают существенные предпосылки для перехода от фантастических гипотез старого сравнительного языкознания к конкретно-историческому анализу фактов.